

Уезд Пиньян в провинции Чжэцзян раскинулся на четырнадцать поселков и две волости. На востоке его границы подступают к самому Восточному морю, а на западе упираются в горы Южного Яньдана. Именно у подножия этого хребта селилась большая часть местных жителей, и именно туда, к родному очагу, держал путь Лянь Цзяньюэ.

Когда он добрался до деревни Дайтоу, что в поселке Южного Яньдана, солнце уже скрылось за горизонтом. Приближался час ужина. В воздухе плыли аппетитные ароматы домашней еды. Старики-соседи, по старой привычке держа в руках пиалы с рисом, переговаривались через пороги и заглядывали друг к другу во дворы. Завидев Цзяньюэ, они приветливо кивали ему в ответ.

По улице с визгом носилась детвора, увлекая за собой задорно лающих дворовых собак. Следом, причитая и на ходу уговаривая съесть еще хоть ложку, спешили запыхавшиеся дедушки и бабушки с мисками в руках. Деревня гудела, как растревоженный улей, а на заднем плане, на фоне густеющего сине-черного неба, высились темные, величественные силуэты гор.

Два сорванца, не замечая ничего вокруг, с разбегу врезались прямо в молодого человека. Один шмякнулся на землю, второй устоял, но принялся обиженно тереть лоб и мотать головой. Шагах в десяти позади показалась невысокая полная женщина. Задышавшись, она бежала за проказниками и кричала во весь голос:

— А ну стоять! Живо вернитесь! Будете упрямиться — отправлю обоих на гору! Будете там железо ковать да уголь таскать!

Цзяньюэ помог подняться упавшему малышу, взглянул на притихшего приятеля и протянул им коробку с пионовыми пирожными:

— Держите, разделите на всех.

Дети растерянно оглянулись на старушку. Та, пробежав еще пару шагов, обессиленно согнулась пополам, уперев руки в колени, и шумно перевела дух:

— Сяо Лянь, сынок... Ох уж эти негодники...

Юноша мягко подтолкнул ребят в спину:

— Ну ступайте.

Мальчишки просияли. Поднявшийся с земли сорванец бесцеремонно вытер замасленный рот о рукав Цзяньюэ, выхватил заветную коробку и, прижав ее к груди, припустил со всех ног. Товарищ бросился следом.

Старушка все еще пыталась отдышаться. Когда молодой человек подошел ближе, она в сердцах

проворчала:

— Еще года два — и точно отдам их мастеру Бяню на перевоспитание! В школе от них житья нет, дома всю молельню вверх дном перевернули! Мои старые кости уже не справляются с этими чертенятами, сил моих больше нет!

Цзяньюэ осторожно придержал ее за локоть:

— Сюй-апо, вы опять одна хозяйничаете?

Бабушка Сюй кивнула. Окинув его ласковым взглядом, она похлопала парня по руке, и ее голос заметно потеплел:

— Только-только с дороги, небось? Поди и не ел еще ничего? Загляни к старухе, перекуси с дороги.

— Спасибо, Сюй-апо, но мне еще подниматься прилично, — возразил Цзяньюэ, посмотрев в сторону темнеющих склонов. — Боюсь засидеться, а прийти поздно ночью — значит поднять шум и потревожить сон учителя.

— Ох уж эти ваши порядки, вечно всё строго, как в монастыре, — беззлобно проворчала Сюй-апо. — Ну ладно, ступай тогда, пока совсем не стемнело.

Настаивать она не стала.

Проводив старушку до калитки, Лянь Цзяньюэ направился к темнеющим пикам. Он миновал здание сельской администрации, прошел под сводами пестрого резного павильона и наконец очутился перед крутой каменной лестницей, уходящей прямо в небо по склону горы. Деревенская суета осталась позади, растворившись в вечерней тишине. На неосвещенной тропе не было ни души.

Тонкий серп молодого месяца едва рассеивал мрак, выхватывая из темноты лишь первые два десятка ступеней да преграждавшее путь металлическое ограждение высотой по пояс. К прутьям была приколочена табличка с грозным предупреждением:

«Пешеходная тропа в ночное время опасна для жизни! Вход строго воспрещен! Администрация ответственности не несет!»

По обе стороны от ступеней колыхалось безбрежное море черной травы. Цзяньюэ легко перемахнул через заграждение и начал подъем.

Даже отмерив первую сотню ступеней, он шел легко, не сбивая дыхания и почти не чувствуя

веса дорожной сумки. Неудобство доставляло другое: в одной руке он сжимал тяжелый Меч Плачущего Дождя, вынесенный из Храма Разрешения Мирских Уз, а в другой нес гостинцы, купленные на вокзале. Клинок то и дело цеплялся за колени, а бутылка вина билась о коробку с пирожными. Рассудив, что так дело не пойдет, Цзяньюэ положил меч на плечи на манер коромысла, подвесив с одного конца пакет с «Дуканом», а с другого — коробку с лакомствами, и бодро зашагал дальше.

То ли потому, что диковинный черный клинок казался каменным, то ли из-за его необычайной тонкости и легкости, но на протяжении всего пути из провинции Хэнань в Чжэцзян у сотрудников досмотра вопросов не возникало. Стоило Цзяньюэ с невозмутимым видом заявить, что это обычный бутафорский реквизит для фотосессий, как его без лишних расспросов пропускали дальше.

Обогнув утес, своими очертаниями напоминавший подставку для кистей, он зашел вниз, в ущелье между вершинами, силуэт храма с темной крышей и охристо-желтыми стенами. Здесь Лянь Цзяньюэ сошел с проторенной тропы и нырнул под сень густого леса. В ночной чаще замерло всё живое: ни шороха птиц, ни возни лесных зверей. Вокруг раздавался лишь мягкий шорох его собственных шагов, мерное дыхание да едва слышный шелест ветвей, задевавших поклажу. Узкий серп луны почти не давал света, превращая чащу в лабиринт из причудливых, пугающих теней. Идти приходилось наощупь, но Цзяньюэ ступал уверенно, безошибочно находя опору для каждого шага. Этой дорогой он ходил столько раз, что помнил каждый изгиб и корень.

Он двигался не торопясь, то и дело останавливаясь, чтобы по запаху сорвать целебные травы — дикую жимолость или клубни баньяна. Вскоре сквозь лесную глушь до его слуха донесся мерный рокот падающей воды. Раздвинув сплетение ветвей, Цзяньюэ замер: перед ним, отливая в темноте чистым серебром, бесшумно скользила широкая полоса водопада.

У подножия бурлящего потока громоздились острые валуны. Длинные, похожие на каменные побеги бамбука и звериные клыки скалы целились прямо в зенит. Окруженный каменным частоколом водопад низвергался с такой высоты, что снизу казалось, будто серебряные струи текут прямо с острого рожка молодого месяца. Падая, вода разбивалась о камни и собиралась в глубокой, кристально чистой заводи.

Прямо за водяной завесой зевал черный провал пещеры.

Разувшись на берегу и взяв обувь в одну руку, Цзяньюэ подвернул штанины и побрел вброд по прохладной воде, доходившей ему до середины голени. Миновав брызги водопада, он вошел внутрь грота.

Пиньян со всех сторон открыт влажным ветрам с Восточного моря, задерживаемым с запада плотной стеной лесистых гор. Климат здесь круглый год ровный, но удушливо влажный, и пока Цзяньюэ пробирался сквозь чащу, он успел изрядно взмокнуть. Однако стоило переступить порог пещеры, как липкая духота мгновенно отступила, словно испарившись. Воздух за каменным занавесом оказался на удивление сухим и прохладным.

Обувшись, молодой человек включил фонарик на телефоне. Свод пещеры терялся высоко вверх, в то время как стены стискивали проход. Яркий белый луч выхватил из темноты ровную тропинку и выстроившиеся вдоль каменных стен изваяния божеств. Перед каждым стояла поминальная дощечка, курильница для благовоний и скромные подношения: свежие фрукты и цветы. На дощечках золотой тушью были выведены священные имена небожителей.

У подножия статуи бога огня Чжужуна примостилось несколько летучих мышей, деловито грызущих жертвенное яблоко. Едва Цзяньюэ приблизился, они с шумом сорвались с места и скрылись под потолком. Юноша трижды почтительно поклонился божеству, прошел чуть дальше и, увидев фигуру великого мастера Оу Ецзы, совершил еще три поклона. В полумраке грота также таились лики милосердной бодхисаттвы Гуаньинь, грозных стражей-ваджрапани и легендарных супругов-оружейников Гань Цзяна и Мо Се. Каждому из них парень отдал дань уважения.

Пройдя грот насквозь, Цзяньюэ поднялся по пологой тропинке, вымощенной речной галькой. У начала подъема из земли торчала простая деревянная вешка с выжженной надписью: «Бянь Жугоу из Пиньяна».

Здесь он невольно прибавил шаг. Спустя десять минут быстрой ходьбы впереди показалась усадьба — с белоснежными стенами и тяжелыми воротами из черного дерева, выполненная в традиционном стиле цзяннаньских поместий. Толкнув створку, Цзяньюэ вошел внутрь.

Сразу за порогом открывался просторный квадратный внутренний дворик. Под навесом крытых галерей горели простые лампочки, освещая расставленные вдоль стен фарфоровые кадки с карликовыми мандаринами и цветущими азиями. Теплый свет падал на большой квадратный стол, за которым ужинали шесть человек.

Цзяньюэ подошел ближе и склонился в глубоком поклоне перед главой стола. Там сидел крепкий пожилой мужчина со статной квадратной челюстью, широкими, как горные хребты, бровями и цепким, пронзительным взглядом. На висках его серебрилась благородная седина, а перед ним выстроились крошечный глиняный кувшинчик и пустая пиала.

— Учитель, я вернулся, — негромко произнес молодой человек.

Этот старик и был его наставником, Бянь Жугоу. По левую руку от мастера сидела его супруга, шинян Минмин. Справа расположилась единственная дочь и по совместительству старшая соученица Цзяньюэ — Бянь Шичжэнь. Возле нее примостился мужчина с круглым, как спелый арбуз, лицом, таким же круглым пухлым животом и выпуклыми глазами. Он усердно орудовал палочками, зажав их в пухлых пальцах. Это был зять семейства и второй шисюн Чжао Ючжи, три года назад вошедший в дом Бянь на правах приемыша-мужа.

Поскольку все они превосходили Цзяньюэ по старшинству, он по очереди поприветствовал каждого и лишь после этого обратился к двум оставшимся за столом ученикам. Молодой человек в белой рубашке и темных брюках, обладатель тонких, почти девичьих черт лица, был четвертым шиди по имени Синшань. В этом году ему исполнилось двадцать шесть. Рядом с ним

примостилась шестнадцатилетняя Цюань Суя — самая младшая из учеников, которую старый мастер принял в школу только прошлым летом. Пока Цзяньюэ обменивался с ней дежурными фразами, девчушка так и стреляла любопытным взглядом то на привезенную им коробку, то на странный темный меч у него за плечом.

Ужин уже подходил к концу, тарелки почти опустели.

— Я привез из поездки пионовые пирожные, — улыбнулся Цзяньюэ. — Сейчас подам к столу, будет к чаю.

Цюань Суя заговорщицки подмигнула ему, безмолвно благодаря за сообразительность. Но стоило молодому человеку развернуться в сторону кухни, как Бянь Жугоу остановил его глубоким басом:

— Ты ведь с самой дороги крошки во рту не держал. Садись за стол, сначала поешь сам.

Против воли учителя не пойдешь. Цзяньюэ виновато развел руками, глянув на приунывшую младшую сестру. Та вздохнула и послушно уткнулась в свою миску. Юноша обогнул стол и сел на свободное место между Синшанем и Чжао Ючжи, подвинувшись ближе к четвертому шиди.

— Я принесу приборы для третьего шисюна, — вызвался Синшань и поспешно поднялся со скамьи.

Старый мастер кивнул, но тут же перевел взгляд на Цзяньюэ и похлопал по скамье рядом с собой:

— Иди-ка лучше сюда, поближе к учителю. — Он сделал знак дочери: — Шичжэнь, уступи место А-Юэ.

Шичжэнь послушно и безмолвно поднялась со своего места. Когда Цзяньюэ сел рядом с учителем, Бянь Жугоу внимательно взгляделся в его лицо. Глаза старого мастера, обычно острые и цепкие, как у ястреба, вдруг подернулись влажной пеленой, будто он едва сдерживал слезы.

Понимая его состояние, юноша поспешил тихо сказать:

— Учитель, не беспокойтесь. Всё сделано как подобает.

Бянь Жугоу тяжело, надсадно вздохнул:

— Твой отец когда-то вытащил меня с того света... Тяжело на сердце, когда уходят те, кому ты обязан жизнью.

За столом воцарилась гнетущая тишина. Все присутствующие отложили палочки и замерли, безмолвно разделяя скорбь наставника.

Глядя на белые как лунь волосы учителя, на глубокие морщины, прорезавшие его лицо, и на эти внезапно потускневшие, слезящиеся глаза, Цзяньюэ ощутил, как к горлу подступает комок.

«Надо же... Учитель ведь совсем старик. Как быстро летит время...»

Грусть тихими тисками сжала его собственное сердце.

— Прошлого не вернуть, мастер, — мягко произнес он. — Не терзайте себя напрасно. Сейчас главное — побережь силы и здоровье.

В этот момент вернулся Синшань. Он бережно расставил перед старшим соучеником чистую пиалу и палочки. Пользуясь паузой, шинян Минмин поспешила разрядить обстановку:

— А это вино, надо полагать, подарок для твоего учителя?

Цзяньюэ принялся аккуратно вскрывать упаковочную коробку с кувшином:

— Да, вез из самого Лояна. Местная гордость. Правда, сам я его еще не пробовал, не знаю, каково на вкус.

Бянь Жугоу вскинул голову. Скорбь на его лице уступила место привычной суровой теплоте, и он негромко усмехнулся:

— Что гадать, открывай давай! Пока тебя не было, мне даже чарку поднять было не с кем.

— Отец, — негромко подала голос Бянь Шичжэнь. Она оторвала взгляд от пиалы, перевела его с Цзяньюэ на родителя и тихо добавила: — Вы ведь сегодня уже выпили лишнего. Может, довольно на сегодня?..

— Тогда отложим до следующего раза, — поспешно предложил Цзяньюэ, чтобы не нагнетать обстановку.

Бянь Жугоу грозно зыркнул на дочь. Шичжэнь тут же сникла и принялась молча ковыряться палочками в рисе. Затем старик с притворным возмущением зыркнул на Цзяньюэ, бесцеремонно придвинул к себе глиняный кувшинчик и до краев наполнил свою пиалу, после чего щедро плеснул вина в чашу ученика.

Он со стуком придвинул свою посуду к нему, шумно чокнулся и сделал глубокий глоток. Снова взглянув на названного сына теплыми, полными скрытой нежности глазами, старик крепко сжал его плечо и вздохнул:

— «Что утолит печаль мою? Лишь старый добрый друг Дукан!» Ушедших не вернуть. Всё, не будем больше беречь раны и попусту сотрясать воздух!

Раз уж учитель наливал сам, Цзяньюэ послушно осушил чашу наполовину.

Шинян Минмин примирительно улыбнулась:

— Шичжэнь, дочка, унеси суп на кухню, разогреем для А-Юэ. Негоже парню пить с дороги на пустой желудок.

С этими словами она поднялась из-за стола, а дочь послушно оставила приборы, подхватила глубокую супницу и последовала за матерью.

Трапеза возобновилась. Второй шисюн, Чжао Ючжи, то и дело косился на прислоненный к столу загадочный черный меч, а юная Суя и вовсе не сводила с него глаз. Цзяньюэ прекрасно понимал, какое любопытство сжигает его соучеников, но история обретения оружия была настолько невероятной, что он медлил открывать правду. К его облегчению, старый мастер лишь неторопливо прихлебывал вино и не задавал лишних вопросов, так что остальным тоже приходилось держать любопытство при себе.

Когда на столе вновь исходил паром горячий бульон, Бянь Жугоу оглядел собравшихся:

— Ну, если все сыты, можете идти по своим комнатам. Мне нужно переговорить с А-Юэ с глазу на глаз.

Цюань Суя разочарованно захлопала ресницами, переводя взгляд с одного лица на другое:

— А как же пирожные? — Она забавно сморщила нос. — Учитель, шинян, старшие братья и сестры! Я ведь не из жадности спрашиваю. Они же сладкие, от одного кусочка потом придется лишний десяток кругов по Арене Бамбукового Леса наматывать! Но ведь упустить такой гостинец грешно — из нашего А-Юэ обычно и слова лишнего не вытянешь, а тут он сам расщедрился на заморское угощение!

По дворику прокатился добродушный смех. Шинян Минмин с улыбкой поднялась, собрала пустую посуду и подхватила нарядную коробку:

— Идемте, егоза. Устроимся во внутренних покоях, будем чаевничать да телевизор смотреть.

Суя мигом схватила пустые тарелки и хвостиком побежала за хозяйкой дома. Остальные ученики тоже быстро прибрали за собой и разошлись по своим комнатам.

Когда во дворике наконец стало тихо и они остались наедине под тусклым светом ламп, Бянь Жугоу в упор посмотрел на ученика:

— Ну а теперь рассказывай. Откуда у тебя этот каменный клинок?

— Сам весь вечер голову ломал, как подступиться к этому разговору, — вздохнул Цзяньюэ. — История настолько дикая, что даже не знаю, поверите ли вы мне.

Он подробно, ничего не утаивая, поведал наставнику обо всем, что приключилось с ним в Каменной деревне и Храме Разрешения Мирских Уз. Из своего рассказа он сознательно исключил лишь упоминание о Цюй Цзючуане и Бусинах Девяти Изгибов, представив дело так, будто некий случайный попутчик невольно впутался в эту заваруху, но проявил недюжинную смелость и здорово ему помог. А в самом храме, когда безумный монах напал из засады, Цзяньюэ в смертельной опасности просто ухватился за первое, что подвернулось под руку, — и вытащил этот странный клинок, чтобы отбиться.

Выслушав сбивчивый рассказ, Бянь Жугоу задумчиво кивнул:

— Правильно сделал, что придержал язык перед остальными. О таких вещах трепаться не стоит.

Цзяньюэ бесшумно подлил учителю вина. Лицо Бяня сделалось предельно серьезным. Он предостерегающе поднял палец:

— Если старшая сестра или ребята станут расспрашивать, отвечай просто: это последняя памятная вещь, оставшаяся от покойного отца. И точка.

Молодой человек послушно кивнул. Бянь Жугоу вновь посмурнел. Окинув затуманенным взором бледный серп луны, он тихо обронил:

— В былые времена люди в цзянху жить не могли без легенд. Чем причудливее была байка, тем охотнее в нее верили. Парадокс: самая невероятная ложь всегда казалась чистой правдой.

Цзяньюэ хотел было сказать что-то утешительное, но старик лишь отмахнулся, пресекая излияния:

— Пустое всё. Давай-ка лучше взглянем на ту Призрачную Траву, о которой ты обмолвился. Покажи ее мне.

Молодой человек вытащил из внутреннего кармана обгорелую веточку Призрачной Травы, которую утаил от глаз Цюй Цзючуаня, и бережно опустил на гладкое дерево столешницы.

Бянь Жугоу прищурился, разглядывая находку. Затем аккуратно подцепил обугленный стебелек палочками для еды и долго вертел его перед глазами, изучая со всех сторон. Наконец он покачал головой:

— Видеть не видел, но удивляться тут нечему. В природе полно всякой дури, от которой у людей ум за разум заходит. Одним ядовитым сорняком больше, одним меньше.

Он аккуратно опустил веточку обратно на стол:

— Оставь ее у меня. Попробую расспросить знающих людей, может, кто и признает эту заразу.

— Учитель, был там еще один странный момент, — продолжил Цзяньюэ. — На тыльной стороне ладони у того монаха я заметил странное клеймо. Может, вам доводилось встречать нечто подобное?

Обмакнув палец в пролитое вино, юноша быстрыми, точными движениями набросал на темном дереве очертания узора. Бянь Жугоу подался вперед, вглядываясь в блестящие влажные линии. Он задумчиво постучал костяшками пальцев по краю стола, хмурясь:

— Постой-ка... Где-то я это уже видел. Ужасно знакомый знак...

Спустя минуту его лицо разгладилось, а в глазах блеснула догадка:

— Вспомнил! Это же древнее уэское письмо — стиль «птиц и червей»!

Лянь Цзяньюэ краем уха слышал о таком письме. Когда-то в провинции Хубэй из древней могилы извлекли легендарный меч уэского вана Гоуцзяня, и на его лезвии красовались восемь иероглифов, выполненных именно в этой изысканной технике. Присмотревшись к влажному рисунку на столе, он действительно уловил сходство со старинной вязью. Но что именно зашифровано в этих извивах?

Старый мастер перехватил его озадаченный взгляд и негромко произнес:

— Здесь написано всего два слова: «Разрешение уз». Или, если точнее, — «Ляоцюэ».

Юношу словно током ударило:

— Имя того самого храма!..

— Именно, — подтвердил Бянь Жугоу. — Наш великий прародитель, мастер Оу Ецзы, в юности исходил Поднебесную вдоль и поперек в поисках редчайших руд и металлов. В его дорожных записях сохранилась удивительная легенда, которую он записал во время странствий по землям древнего царства Лу — в глухом селении у подножия Горы Черного Дождя.

«Сказывают, что много веков назад на ту гору упал с небес огромный валун со сквозной трещиной посередине. Местные жители сочли его священным даром и круглые сутки приносили к нему чистую родниковую воду да свежие цветы. Но в один недобрый день камень с грохотом раскололся надвое. С того самого мига над горой закипели черные тучи. Дожди лили не переставая годами, солнце больше ни разу не пробилось сквозь мглу. Издали казалось, будто хребет укутан плотным траурным саваном. Соседние деревни стали обходить это место стороной, считая его проклятым, и тогда испуганные горцы призвали могущественного шамана, чтобы тот изгнал скверну.

Поднявшись на вершину, колдун долго созерцал расколотую глыбу. Наконец он велел селянам сложить прямо перед ней плавильную печь, принести десять ушатов родниковой воды и два толстых дубовых шеста. Когда всё было готово, он прогнал людей прочь и остался у печи в полном одиночестве.

Спустя десять дней шаман спустился в долину. В одной руке он держал длинный, черный как смоль предмет с рукоятью, а в другой — такой же длинный, но плоский стержень. Колдун объявил испуганным жителям: небесный валун был полон ядовитой бесовской силы. Не переплавь он его, скверна со временем расползлась бы по миру, отравив всё живое. Тогда не только их гора, но и вся великая земля погрузилась бы во тьму, став обителью для нечисти и злых духов.

«Ныне же, — провозгласил шаман, — я заковал это зло в две плоти. Имя им — „Ляоцюэ“. Пока они соединены вместе, в поднебесном мире пребудет покой. Но стоит им разделиться — и на землю хлынут кровь и хаос. Я забираю их с собой». Стоило ему уйти, как тучи над Горой Черного Дождя рассеялись, и туда вернулся мир.

Оу Ецзы полагал, что этот безмятежный колдун и был самым первым кузнецом в истории, а сотворенное им «Ляоцюэ» — прародителем всех существующих клинков. Шаман перековал одну половину камня в меч, а вторую — в ножны, назвав свое творение Мечом Разрешения Уз».

— Но сам Оу Ецзы, сколько ни копал на той горе, никаких чудесных руд не обнаружил. Спустя века другой искусный мастер, прослышав об этой легенде, загорелся идеей повторить подвиг первопредка. К тому времени Гора Черного Дождя давно исчезла со всех карт. Разыскав ее по старинным описаниям, кузнец выкопал там железную породу и выковал из нее меч, дав ему имя «Плачущий Дождь». Оружие он преподнес в дар своему близкому другу — бродячему даосу.

— В эпоху Мин даос по имени Мучжу написал книгу «Записки о явленных демонах и чудовищах». Там были такие строки:

«Длинный меч Плачущего Дождя испил крови тысяч демонов и нечисти, но в конце концов сам увяз во зле, обратившись в проклятое оружие на погибель людям. Даосы из Дворца Высшей Чистоты творили заклятия десять дней и ночей, прежде чем сумели усмирить его ярость. Великий Небесный наставник Чжан запер клинок в ларец из громового персика, зарыл глубоко в землю и воздвиг над ним священную пагоду. Когда же наставник Чжан воспарил к небесам, башня со временем обветшала и рухнула, отчего спящий демон-меч вновь почувствовал волю. Тогда ученики наставника установили на развалинах его каменное изваяние, дабы сокрушить скверну и вернуть покой окрестным землям».

Цзяньюэ слушал затаив дыхание, замороженный древним преданием.

— Ну, это всего лишь старые сказки, — усмехнулся Бянь Жугоу, делая глоток. — Я бывал во Дворце Высшей Чистоты. Никакой разрушенной пагоды там нет и в помине. Да и о мече Плачущего Дождя никто из местных монахов слухом не слыхивал. Скорее всего, этот даос Мучжу просто выдумал красивую историю для своей книги.

— И все же, когда я сжимал его рукоять, — медленно проговорил Цзяньюэ, постепенно приходя в себя, — мне действительно показалось, будто этот клинок наделен собственной волей. Там, в храме, он покрылся зловещей черной дымкой и стал настолько тяжелым, что мне едва хватило сил удержать его обеими руками.

Бянь Жугоу поднялся из-за стола и взял черный меч, направив его лезвие к небу, навстречу лунному свету:

— Меч без ножен... Или, быть может, он сам одновременно и клинок, и ножны? Тонкий, как крыло цикады. По весу — легкий, будто сухой бамбуковый лист. Ни острого края, ни блеска стали... — Старик легонько щелкнул пальцем по плоской грани. Оружие отозвалось едва слышным, чистым металлическим звоном. — Гляди-ка: с виду чистый сланец, а поет как лучшая бронза. Потрясающе. У твоего младшего брата Синшаня великолепная техника — в его движениях прямо чувствуется былая стать его матери. Думаю, стоит дать ему испробовать эту штуку в деле.

Бянь Жугоу прислонил черный клинок обратно к краю стола и мягко похлопал Цзяньюэ по плечу:

— О том, что стряслось в том проклятом храме, забудь и не забивай голову. Чему быть, того не миновать, а лишняя тревога только силы отнимает. Ты проделал долгий путь и вымотался. Поешь хорошенько и ступай спать.

Старик опустился на скамью, приговорил еще пару пиал вина и спокойно подождал, пока Цзяньюэ доест суп. Закончив, они вместе прибрали со стола. После этого Бянь Жугоу тепло попрощался с учеником и ушел в свои покои в глубине усадьбы.

Проводив учителя взглядом, Лянь Цзяньюэ посмотрел на зажатый в руке Меч Плачущего Дождя. Немного подумав, он скользнул в полумрак заднего двора, тихо приоткрыл заднюю

калитку и скрылся в шелестящей ночной прохладе бамбуковой рощи.

<http://bllate.org/book/19697/1988239>